

Глава 10

С тех пор как Чу Чжаохуай вернулся в столицу, на душе у него было тяжело, но сегодня он наконец-то дал волю чувствам и сполна выплеснул горечь. Мрачные тени в его взгляде рассеялись, и даже сердце, прежде нывшее от гнева, больше не беспокоило.

Когда они вернулись в усадьбу, стражники принялись выгружать из кареты его старый комод. Приземлив его на землю, один из воинов не удержал равновесия, и сундук ощутимо качнулся. Внутри послышался звон и грохот, будто разбилось нечто ценное.

Юноша болезненно поморщился, едва не вскрикнув от досады, и тихо зашептал:

— Потише... полегче, ладно?

Стражники покорно склонили головы и понесли вещи в спальню.

Инь Чжуншань остался в усадьбе маркиза, чтобы с шумом и помпой сопроводить остатки приданого. Цзи Сюнь тем временем пересадили в кресло, и он замер у кареты, закинув ногу на ногу и словно чего-то ожидая.

Сегодня Ванъе очень помог ему, и Чжаохуай, не желая оставаться в долгу, поправил меховую накидку и предложил:

— Позвольте, я сам отвезу Ванъе.

Цзи Сюнь усмехнулся:

— Что ж, покорно благодарю за труды.

Толкать тяжелое кресло и впрямь оказалось делом нелегким.

Собрав всю волю в кулак и приложив недюжинные усилия, Чу Чжаохуай медленно сдвинул кресло с места. Колеса лениво закрипели по камням, и спустя добрую вечность они, наконец, дотащились до дверей спальни.

Князь не выказывал ни тени нетерпения и ни разу не поторопил своего спутника. Видимо, привыкнув к стремительной езде, он решил для разнообразия насладиться прогулкой в темпе улитки, тащащей на себе раковину.

Когда они оказались у самого порога, юноша уже готов был вздохнуть с облегчением, но Цзи Сюнь внезапно подал голос. В его тоне звучало вежливое недоумение — такое глубокое, будто

он внезапно ослеп:

— Ванфэй, разве это дорога в кабинет?

Чу Чжаохуай замер.

«...»

«Почему ты не сказал раньше, что нам не в спальню?! — он едва сдержал стон отчаяния. — В этот миг мне хочется просто упасть замертво прямо здесь»

По лбу лекаря скатилась капля пота. Он тяжело перевел дух и из последних сил выдавил:

— Осмелюсь спросить Ванъе... а где находится кабинет?

Цзи Сюнь вскинул бровь:

— Ванфэй утомился?

Опасаясь, что князь снова начнет расспрашивать, у какого генерала он обучался военному искусству, Чжаохуай постарался выровнять дыхание и ответил:

— Вовсе нет. Просто еда в усадьбе маркиза была невыносимой, я проголодался.

Цзи Сюнь рассмеялся:

— Что бы Ванфэй хотел отведать? Скажи, и слуги тотчас всё приготовят.

Юноша замер.

Впервые в жизни кто-то интересовался его вкусами. Он почувствовал себя неловко — так непривычно было это внимание, что он даже позабыл о недавней колкости. Немного подумав, он ответил:

— Я люблю рыбу.

Цзин-ван посмотрел на него.

«Как же просто ему угодить»

Сыновья из благородных семей обычно требовали нечто редкое и изысканное: личи посреди зимы или бутоны сливы в разгар лета. Иные же искали диковинок вроде жареного гуся — чем страннее блюдо, тем желаннее. Чжаохуай же, готовый довольствоваться обычной рыбой, оказался на редкость неприхотливым в быту.

— Хорошо, — произнес Цзи Сюнь. — Вечером повара приготовят рыбный пир из множества блюд.

Лекарь кашлянул, стараясь сохранить невозмутимый вид и не выдать своего восторга:

— Благодарю за заботу, Ванье.

Обещание знатного ужина придало ему сил — теперь ему казалось, что он может катить это кресло хоть на край света. Однако не успел он совершить этот подвиг, как вернулся Инь Чжуншань.

Чу Чжаохуай вздрогнул, заподозрив неладное:

— Маркиз... он что, не-не-не отдал приданое?

Командир стражи поклонился и посмотрел на князя. Дождавшись одобряющего кивка, он доложил:

— Ваше приказание исполнено. Все вещи, о которых «позабыли» в усадьбе маркиза, доставлены в сокровищницу. Вот перечень, желает ли Ванфэй лично всё проверить?

Глаза юноши вспыхнули таким азартом, что даже черная вуаль не могла скрыть этого блеска. Он уже сорвался с места, но вовремя спохватился и обернулся к мужу:

— Ванье, я могу пойти посмотреть?

Тот кивнул:

— Иди.

Окрыленный радостью, лекарь поспешил вслед за слугами.

Инь Чжуншань проводил его взглядом, явно желая что-то сказать. Солнце было в самом зените, и Цзи Сюнь жестом велел отвезти его к озеру в саду. Глядя на тени рыб, мелькающие под тонким льдом, он небрежно спросил:

— Говори, что у тебя на уме?

Инь Чжуншань не выдержал:

— Маркиз Чжэньюань сам подставился под удар. Почему Ванье не использовал этот повод, чтобы раздавить его?

Цзи Сюнь лениво переспросил:

— Хм? Кого именно?

— Чу Чжаохуая.

Князь рассеянно следил за рыбами в воде:

— Чжуншань, каждой весной в городские рвы выпускают мальков. Возьми сачок и лови их... лови, пока не истребишь все девять колен рода, прервав их существование навсегда.

Инь Чжуншань промолчал.

«...»

Он вырос вместе с Цзи Сюнем и давно привык к его язвительности, скрытой за маской вежливости. Сумев выудить крупицу смысла из этого потока колючих слов, он осознал: Ванье оставил Чжаохуая при себе неспроста. У него на этого юношу большие планы.

Командир немного успокоился.

Ванье же, повинаясь внезапному порыву, велел слугам прорубить лед на озере. От шума и грохота рыбы мгновенно метнулись на глубину и затихли.

Князь протянул руку. Инь Чжуншань, чьи рукава, казалось, могли вместить в себя целую реку, пошарил внутри и выудил мешочек с кормом.

Цзи Сюнь лениво бросил горсть в воду, и вскоре на спокойной глади замелькали тени. Только тогда он негромко спросил:

— Что ты видишь?

Глядя на рыб, жадно хватающих корм, командир ощутил озарение.

— Теперь я понял, — торжественно произнес он. — Только бросив приманку, можно выманить крупную рыбу, затаившуюся на дне. Сегодня Ванъе проявил сдержанность, чтобы выследить того, кто на самом деле стоит за спиной маркиза.

«Как и ожидалось от Ванъе... Какая прозорливость!»

Князь лишь хмыкнул:

— Вовсе нет. Я просто хочу порыбачить. Неси удочку.

Инь Чжуншань: «...»

Когда принесли фиолетовое бамбуковое удилище, Цзи Сюнь даже не стал насаживать наживку. Он просто закинул крючок в воду и замер с невозмутимым видом.

Понимая, что у хозяина очередной приступ причуд, Чжуншань не стал спорить и лишь раскрыл над ним зонт, защищая от солнца. Без наживки можно было просидеть до скончания веков, так и не дождавшись поклевки. Но терпения Ванъе было не занимать: рука, державшая удочку, была неподвижна, словно высеченная из камня.

Солнце уже клонилось к закату, когда поспешно явился управляющий:

— Ванъе, чиновник Цинь из военного министерства просит аудиенции.

Бульк!

На спокойной поверхности воды внезапно разошлись круги, и кончик удилища резко дернулся вниз. Рыба попалась.

Цзи Сюнь открыл глаза и уверенным движением подсек добычу. Рыбешка, отчаянно извиваясь на леске, вылетела из воды и с глухим шлепком приземлилась прямо в руки Инь Чжуншаню.

Совсем крохотная.

Пока командир снимал её с крючка, князь, казалось, пытался вспомнить, кто такой этот «чиновник Цинь».

— Цинь Цзянь, заместитель министра военных дел, — подсказал Инь Чжуншань. — Тесно связан с наследным принцем. В начале месяца, воспользовавшись вашим беспамятством, он предлагал отправить людей Тайцзы в область Цзиньлин для охраны границ.

Цзиньлин находилась у самых рубежей и была личным владением Цзин-вана. Нетрудно было догадаться, зачем принцу понадобилось посылать туда своих людей.

Ванье это, впрочем, мало заботило. Он задумчиво разглядывал крохотную рыбку размером с ладонь, размышляя, можно ли из этой одной рыбешки приготовить целый пир.

— Ванье примет его? — осторожно спросил Инь Чжуншань.

— Уже стемнело, — ответил Цзи Сюнь. — Ступай, позови Ванфэй к ужину.

Это означало отказ. Управляющий, всё поняв без слов, поклонился и ушел.

Чу Чжаохуай всю вторую половину дня провел, пересчитывая приданое. Улыбка не сходила с его лица, а когда его позвали на рыбный пир, радости и вовсе не было предела. Если бы не вуаль, окружающие наверняка бы заметили его восторженный вид.

Он с упоением принялся за еду, не зная, за что ухватиться в первую очередь — за нежную мякоть или за ароматный бульон. Цзи Сюнь же, напротив, сидел подчеркнуто небрежно, лениво пробуя сырую рыбу.

Для княжеского стола подавали только лучшее: белое мясо, нарезанное тонкими, прозрачными лепестками, вымоченное в вине. Оно буквально таяло на языке.

Перед лекарем поставили тарелку с рыбой в уксусе. Он обожал кисло-сладкий вкус и с превеликим удовольствием опустошил блюдо дочиста.

Князь, проглотив кусочек, поинтересовался:

— Ну как, вкусно?

— Очень вкусно, — честно ответил Чжаохуай, ковыряя палочками рыбью голову. — Жаль только, рыба маловата.

Цзи Сюнь замер. Он отхлебнул холодного вина и отложил палочки, больше не притронувшись к еде.

Юноша с недоумением посмотрел на него.

«Почему он ест так мало? Постоянно только холодное вино... Разве от этого болезнь не станет

только хуже?»

Покончив с трапезой, лекарь в прекрасном расположении духа вернулся к своим сундукам.

Инь Чжуншань, чувствуя, что Ванъе не в духе, нерешительно заговорил:

— Этот Ванфэй... Похоже, он совсем не знает приличий. Может, мне найти кого-то, кто обучит его манерам?

Ведет себя развязно, обращается к князю без капли почтения... А только что и вовсе проявил вопиющую бестактность, встряв в разговор раньше хозяина. А главное — он, кажется, совершенно не понимает своих обязанностей: делает что хочет, и ради какого-то старого имущества готов бросить князя и уйти.

Даже у Инь Чжуншаня лопалось терпение, но Цзи Сюнь не выказал ни тени недовольства. Если бы командир стражи лично не проверял личность лекаря, он бы решил, что этих двоих связывает некое тайное прошлое.

Ванъе, будто не слыша его слов, вертел в руках чашу с вином:

— Отвези меня в сад.

У Инь Чжуншаня дернулось веко.

«Зачем в сад в такой час?»

Вскоре он получил ответ. У самого берега озера зажгли фонари. Цзи Сюнь сидел под порывами ледяного северного ветра и неспешно закидывал крючок в воду. Он снова рыбачил.

Инь Чжуншань: «...»

«Ванъе всё-таки окончательно лишился рассудка»

Чу Чжаохуай пересчитал приданое еще несколько раз и окончательно смирился.

Как и следовало ожидать, Чу Цзин был не глуп. Несмотря на давление со стороны Цзи Сюня, он так и не отдал письма матери.

Слова ушедшего человека всегда манят своей тайной. Когда юноша только узнал о существовании писем, сердце его забилось в бешеном ритме. Он почти потерял голову от желания узнать, что же написала ему единственная душа, по-настоящему любившая его в этом мире.

Но теперь он успокоился. Госпожа Бай так дорожила им, что в её письмах наверняка были лишь слова любви и заботы. Он и так это знал, и отсутствие бумаги ничего не меняло в его памяти.

«Что ж, теперь нужно подумать, как очернить имя Чу Чжаоцзяна»

Если довести маркиза до края, он сам придет к нему. Тогда инициатива будет в руках Чжаохуая.

После визита к маркизу Ванье внезапно стал очень занят и по несколько дней не возвращался домой. Впрочем, он оставил в усадьбе множество стражников, якобы для защиты Ванфэй.

История с «забытым» приданым нанесла сокрушительный удар по репутации Чу Цзина, превратив его усадьбу в посмешище для всей столицы. Чжаохуай хотел было воспользоваться этим и подлить масла в огонь, но, увы, он не мог покинуть стены дома.

Прошло несколько дней, и наступил канун Малого Нового года.

В столице этот праздник отмечали двадцать третьего числа двенадцатого месяца. Небо затянуло тяжелыми тучами, завывал пронизывающий ветер, готовый содрать кожу с лица. Похоже, собирался снег.

Закутавшись в теплую накидку, лекарь сидел во дворе и слушал, как за стенами усадьбы гремят фейерверки и трещат хлопушки. Вскоре вернулся управляющий:

— Ванфэй, Ванье еще не вернулся в усадьбу.

Юноша негромко кашлянул и осторожно спросил:

— Тогда... в этот вечер мне... мне можно выйти погулять?

Управляющий замялся:

— Прощу прощения, Ванфэй, но это невозможно.

— Оу.

Чу Чжаохуай не стал настаивать. В конце концов, все праздники в последние годы он проводил в одиночестве, прячась в своем маленьком дворике. Этот год ничем не отличался.

Хотя нет, отличие всё же было. Столичные фейерверки оказались куда краше тех, что он видел в Линьане. Яркие, звонкие — они будто наполняли его пустой двор частичкой общего веселья.

Управляющий сочувственно смотрел на него. Юноша выглядел таким хрупким, что даже слои плотной одежды не могли скрыть худобу его плеч и талии. Он заворожено смотрел в небо, поворачивая голову туда, где раздавался очередной залп.

В честь праздника на его поясе, который обычно пустовал, висел новый нефритовый амулет — судя по виду, такие были в моде еще несколько лет назад.

Управляющему вдруг стало его жаль. Он уже хотел что-то сказать, как у ворот двора Чанфэн послышался шум.

— Где Чу Чжаоцзян?! Чжаоцзян, выходи!

— Шицзы, Шицзы, умоляю, смените гнев на милость! — раздался чей-то голос. — В прошлый раз вас наказали за дерзость перед Ванфэй, вы несколько дней переписывали книги... Говорят, Ванье вернется сегодня вечером, прошу вас... будьте осторожнее!

— ...

Лекарь с любопытством посмотрел на вход.

Вскоре в дверях появился Цзи И. Облаченный в темно-синие одежды с меховым плащом на плечах, он стремительно ворвался во двор, кипя от ярости. Чжаохуай прищурился, готовясь к обороне.

«Наследничек» в прошлый раз потерпел поражение и, видимо, решил отомстить, пока отца нет дома.

Цзи И с каменным лицом подошел к юноше:

— Ты. Идешь со мной. На озеро Мин.

Чу Чжаохуай инстинктивно отстранился, глядя на него с подозрением:

— Хочешь заманить меня туда и утопить?

Цзи И сверкнул глазами, явно собираясь разразиться проклятиями, но, заметив стоящего рядом управляющего, лишь придвинулся ближе и прошипел:

— Хватит валять дурака! Мы еще несколько месяцев назад договорились сойтись на озере Мин. Неужто ты трусил и не смеешь явиться?!

Чу Чжаохуай промолчал.

«...»

«Значит, у Чу Чжаоцзяна и впрямь была назначена встреча?»

Очередная проблема брата свалилась на его плечи. Деваться было некуда, пришлось соглашаться — к тому же, это был отличный повод выбраться из усадьбы.

Лекарь покосился на управляющего и притворно замялся:

— Но ведь я теперь Ванфэй... Негоже мне мешаться в вашей компании, это против правил.

— Я говорил отцу, что мы собираемся на озеро Мин, и он не возражал! — Цзи И холодно усмехнулся. — Мы уже забронировали прогулочную барку. Неужели ты и впрямь дашь заднюю? Что ж, дело твое. Но тогда гони пятьсот лянов серебра за аренду судна, и мы в расчете.

Чжаохуай мигом поднялся со своего места. Его голос зазвучал на редкость решительно:

— Где это озеро? Идем немедленно.

<http://bllate.org/book/15341/1372773>